

Следы подготовительной работы к лекциям сохранились не только на книгах по военной истории, но и в текстах древних историков. Логично предположить, что и опыт недавней войны, тем более данный маневр, признаваемый сегодня как образец военного искусства, должен был быть учтен. Конечно, сам маневр был принят им во внимание, что доказывается вниманием Н. Муравьева к фланговым маршам, но сам марш, пребывание в Тарутинском лагере и многое другое неоднозначно было оценено соратниками, не говоря уже о критике, которую М.И. Кутузов постоянно испытывал в ходе конкретного периода войны. Может быть, это отчасти объясняет тот факт, что Тарутино не отмечено ни как место сражения, ни как военный лагерь. Подчеркнуто лишь село Лыково (или Лыков овраг Тарусского уезда), ближайшее к Тарутину, которое попало в сводки как место одного из эпизодов казачьего грабежа, при чем не местного населения, что за время стояния Тарутинского лагеря приняло масштабы мини-гражданской войны, а солдата инвалидной команды, ехавшего с донесением в Боровск. Возможно, подобного рода события давали необходимый материал к размышлениям Н. Муравьева относительно воинской повинности, о принципах формирования армии, взаимоотношениях армии и народа, т.е. всех тех вопросах, без которых невозможна работа над созданием новой Конституции для России. Но оценочный момент в пометах на картах Атласа вполне очевиден: безоговорочная слава Бородина и конфликтность Тарутина.

Ленчиненко Марина Владиславовна,
зав. сектором частных собраний Отдела редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ им. М.В.Ломоносова

* * *

А.Л. Лифшиц (Москва)

«Селим и Дамасина» – рукописный роман для прапорщика

Традиция рукописных переводных романов в России XVIII в. до настоящего времени не может быть признана сколько-нибудь полно изученной.

Резкое возрастание печатной беллетристики с 1760 гг. вытесняет рукописный роман на периферию культурной жизни, а затем вовсе приводит к его полному исчезновению. А привычка современного человека (в том числе и исследователя) к печатной книге при ретроспективном взгляде не позволяет адекватно оценивать значение книги рукописной для читателей прошлого.

Как следствие, мы не имеем представления даже о номенклатуре переводных рукописных романов, не говоря уже о числе списков.

Перечень А.Н. Пыпина учитывает лишь те тексты, которые имели хождение только в списках, но не берет в расчет такие, которые были напечатаны, но все равно имели хождение в рукописных копиях.

Еще меньше известно о тех рукописных романах, которые ходили в списках *до того*, как стали продукцией типографии.

Между тем несомненный рост интереса к европейской литературе в 1750-х гг. при столь же несомненном запаздывании печатного станка в удовлетворении этого интереса обусловил появление значительного числа рукописных переводов.

Как правило, такой труд осуществлялся по частной инициативе переводчика. Нет сомнений, что некоторые из них рассчитывали увидеть свой перевод напечатанным.

Некоторые романы переводились не по одному разу. Так, не менее чем трижды был переведен с французского роман К.Ф. Ламбера о мексиканской принцессе Жеване. Два перевода разного качества сохранились в рукописях, третий известен по изданию. Роман Г.А. Циглер-Клиппгаузена «Азиатская Баниза» был переведен с немецкого переводчиком Академии наук В.И. Лебедевым (но не напечатан), однако есть рукописное свидетельство и другой, вероятно, неоконченной попытки. Как минимум дважды переводился роман Ле Живра де Ришбура «Селим и Дамасина». Интересно, что в первом случае напечатанный перевод существенно изыщнее рукописных. Во втором – фрагмент корявого альтернативного перевода продолжен существовавшим к тому времени переводом Лебедева. Но рукописный перевод «Селима и Дамасины» по крайней мере не уступает напечатанному. Рукопись датирована 1757 годом; книга вышла в 1761 году. Рукописный перевод не только не хуже и не только раньше по времени. Список представляет собой своеобразный pocket book. Книга форматом меньше школьной тетрадки переплетена в хорошо выделанную кожу, снабжена шелковыми завязками. Буквы в начале рукописи имеют в высоту 1 мм, а к концу книги уменьшаются едва ли не вдвое, сохраняя при этом разборчивость начертаний. Эта рукопись – свидетельство очень высоких требований, которые предъявлял своим книгам ничем не примечательный армейский прапорщик, криво подписавшийся на форзаце.

Александр Львович Лифшиц (НИУ ВШЭ, Институт
Славяноведения РАН)

* * *

свящ. Федор Людоговский (Москва)

Воспоминания В. Д. Маркелова – вторая часть семейной хроники

В своих тезисах на предыдущей конференции я упомянул о своеобразной трилогии, образующей хронике семьи Маркеловых. Первая часть трилогии – беллетризованные воспоминания Константина Михайловича Маркелова (1868–1944), двоюродного племянника поэта А. Н. Майкова, о жизни в подмосковном имении Красный Стан в 1870–80-е гг. Мемуары были изданы в Париже в 1926 году. Вторая часть – «Затишье», рукописные воспоминания племянника К. М. Маркелова, старшего брата моей прабабушки, Владимира Дмитриевича Маркелова (1889–1966). Третья часть – сборник рассказов жителей дачи Маркеловых, представляющие собой переплетенную компьютерную распечатку, изданную в 2008 году тиражом порядка дюжины экземпляров. В нынешнем докладе речь пойдет о второй части трилогии. Мемуары В. Д. Маркелова записаны в тетради (96 л.), общий их объем (вместе с приложением и титульными листами) составляет 88 с. Пагинация двойная: сначала автор пронумеровал листы, зачем, обнаружив собой в нумерации, стал нумеровать страницы, но не довел дело до конца. Воспоминания были начаты, как указано на титуле, в 1950 г., окончены, вероятно, 26 сентября 1963 (так датировано предисловие, которое, очевидно, было написано задним числом). Воспоминания открываются предисловием, озаглавленным «Нашим милым детям...». Сам В. Д. Маркелов, хотя и был женат, детей не имел. Таким образом, речь идет о племянниках – детях трех его младших сестер: «Хотелось бы, если эта тетрадь попадет либо к Ляле (моя бабушка, дочь средней сестры. – Ф. Л.), либо к Олегу, или к Вове, чтобы